

Дiana Вишнёва
в «Болеро»

Вы приехали в Москву на гала-концерт «Аве Майя!», в 2015-м получили премию фонда Майи Плисецкой и Родиона Щедрина. Кроме того, были хорошо знакомы с Плисецкой. Кто она для вас?

Конечно, она одна из знаковых персон современного искусства, прима, которая вдохновила многих артистов. Я с ней познакомился вскоре после того, как пришел в труппу Мориса Бежара «Балет XX века» в 1979 году. Спустя пару лет она приехала к нам работать над па-де-де — сейчас уже не вспомню, что именно это было. Я всегда восхищался ею! В последние годы мы тоже много встречались — они с Щедриным часто приезжали в Швейцарию, мы пересекались и в других странах. Для меня она необыкновенный персонаж с глазами маленькой девочки и характером очень сильной женщины.

Премия я получил, с одной стороны, за сохранение наследия Бежара, а с другой — за свои собственные постановки, некоторые Плисецкой очень нравились. Мы с ней последний раз виделись в Тбилиси, они с Щедриным были на нашем выступлении, тогда она и сказала, что хочет вручить мне премию.

А какой ее балет произвел на вас самое сильное впечатление?

Сложно сказать, потому что вживую я видел ее выступления, когда она была уже зрелой артисткой, я даже не видел ее в бежаровской постановке «Болеро». Но, конечно, видел записи, на которых Плисецкая танцевала «Умиряющего лебедя», — это до сих пор захватывает, она обволакивала своей энергией, проживала историю на сцене. А поклоны! «Умиряющий лебедь» длится несколько минут, поклоны могли быть в два раза дольше, и это было отдельное представление. Знаете, я видел Плисецкую незадолго до того, как ее не стало, — и она была полна энергии. Той самой, которая переполняла ее всегда.

На «Аве Майя!» вы привезли «Болеро» с Дианой Вишневой, первой из русских балерин после Плисецкой удостоившейся права исполнять соло в этой постановке. Как вам с ней работается?

С Дианой я знаком очень давно и очень ее люблю. Помню, мы вместе участвовали в гала в Японии, когда она была совсем юной, помню, как она выросла. Она невероятно чувственная танцовщица. И она очень настаивала на том, чтобы станцевать «Болеро», который мы мало кого достаиваем

честь исполнить, — эту традицию заложил Морис Бежар. Вишнева как я: вся ее жизнь — это танец.

Вы преемник Бежара, ученик Бежара, вы танцевали в большинстве его балетов и работали с ним как постановщик, чем отличается ваш подход к работе от подхода Бежара?

У нас совершенно разный характер. Бежар был очень авторитарен. Хотя, конечно, время изменилось — сами отношения между руководителем и артистами теперь совершенно иные. Но есть и общее — желание искать новые пути, изменять, двигаться вперед, это важнее, и в этом дух Балета Бежара. Я даже не могу выделить свою любимую постановку Бежара — для меня это как веревочная лестница, из которой нельзя убрать часть, это все единый путь развития, эволюция.

Два года назад главным партнером Балета Бежара стал часовой бренд Jaquet Droz, какие у вас отношения со временем?

Очень сложный для меня вопрос! Вся профессия хореографа — это отношения со временем и пространством. Ты организовываешь пространство одним образом — и время словно бы тянется медленнее, меняешь все — и время бежит. Есть точное время, которое показывают часы, но, на самом деле, время эластично, и им можно манипулировать. Можно репетировать два часа, но у всех останется ощущение, что прошло десять минут.

В одном из интервью вы говорили, что «танец — это воплощение щедрости, и когда ставится спектакль, он ставится для людей и для общения, а не для того, чтобы публика смотрела его, оставаясь на расстоянии», — а как этим манипулировать? Что уменьшает дистанцию между исполнителем и залом? Энергия? Определенно энергия. Танец — это ритуал, это союз, нельзя думать о нем как о спектакле, где одни — исполнители, а другие — зрители. В танце участвуют все! Разумеется, нет готовых правил, позволяющих увлечь публику, заставить ее думать, чувствовать, но я точно знаю: я в этой профессии именно потому, что для меня важен этот невероятный обмен энергией.

Беседовала Анна Минакова